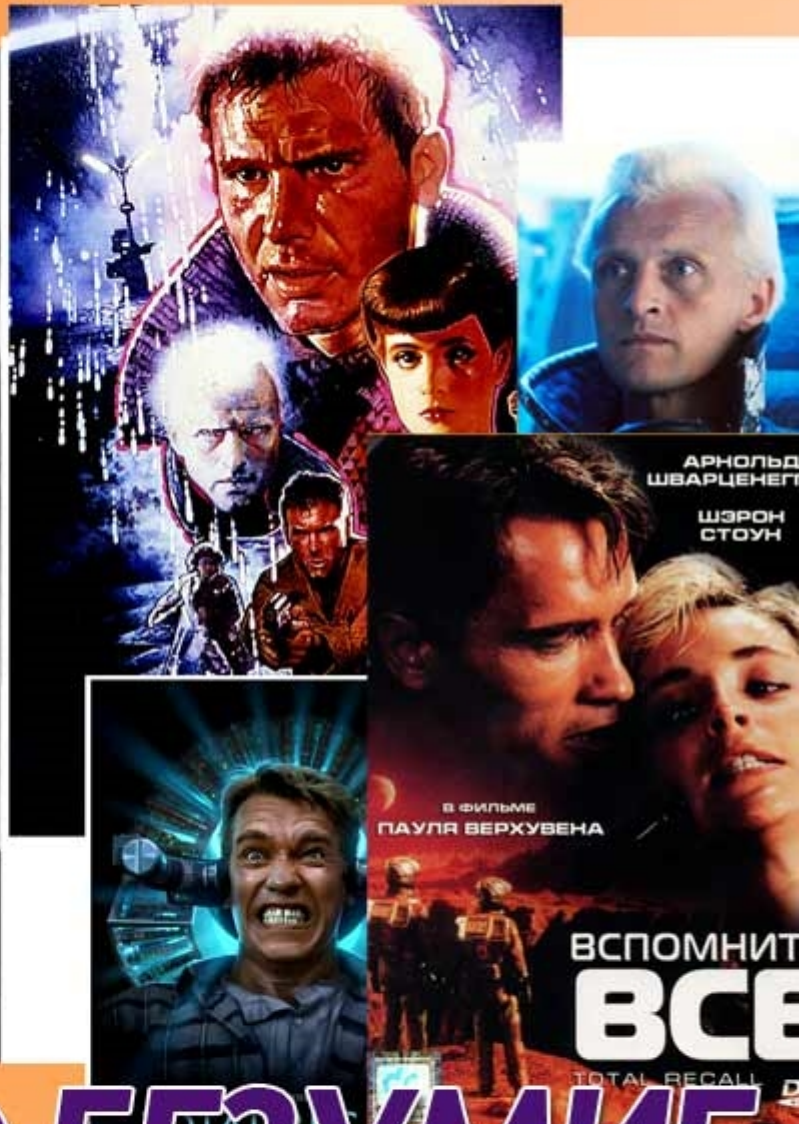
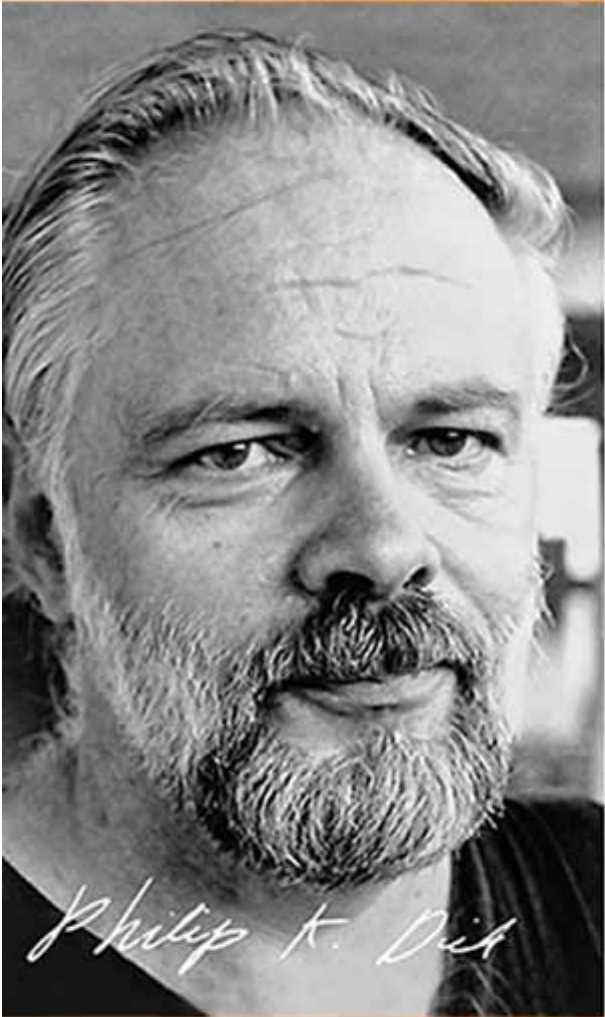

ФИЛИП ДИК

ОДНО БЕЗУМНИЕ НА ДВОИХ

Американский писатель-фантаст Филип Киндред Дик родился **16 декабря 1928** года, в полдень, в г. Чикаго.

При жизни его творчество было признано только в научно-фантастической среде, тогда как сразу же после смерти он стал известным благодаря фильму Ридли Скотта «Бегущий по лезвию», снятому по мотивам романа Дика «Мечтают ли андройды об электроовцах?»

Впоследствии по его книгам будут сняты такие всемирно известные фильмы, как «Вспомнить всё» Пола Верховена, «Час расплаты» Джона Ву, «Крикуны» Кристиана Дюгуа, «Пришелец» Гэри Фледера, «Особое мнение» Стивена Спилберга, «Пророк» Ли Тамахори.

В **2006** году Ричард Линклейтер снял анимационный фильм «Помутнение» с Киану Ривзом и Вайноной Райдер в главных ролях.

В **2011** году вышел фильм «Меняющие реальность» по книге «Команда коррективки».

Особенностью творчества Филипа Дика является непревзойдённое мастерство «разрушителя реальности».

Практически все его тексты показывают «нормальных» людей в «ненормальной» обстановке, при этом его герои обычно являются объектами манипуляций с их восприятием со стороны разнообразных наркотических или технических средств, причём манипуляции часто вызываются ими самими, а всё действие протекает на фоне научно-фантастического антуража.

В ЭТОМ УРОКЕ МЫ РАССМОТРИМ СОБЫТИЯ ЖИЗНИ Ф. ДИКА, КОТОРЫЕ СВЯЗАНЫ С АСПЕКТАЦИЕЙ НАТАЛЬНОЙ ЛУНЫ ПИСАТЕЛЯ.

СОБЫТИЕ 1 – ЯНВАРЬ 1959 ГОДА.

Небольшая предыстория: в декабре 1958 года Дик с супругой Клео переехал в тихое местечко и купил домик в Пойнт Рэйс, округ Мэрин.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ СПУСТЯ ПОСЛЕ ПЕРЕЕЗДА СУПРУГОВ ИМ НАНЕСЛА ВИЗИТ НОВАЯ СОСЕДКА ПО ИМЕНИ АННА РУБЕНСТАЙН.

Поскольку калитка в палисадник была закрыта, она без колебаний, даже не извинившись за свое бесцеремонное вторжение, перемахнула через нее. Нервная блондинка, то и дело снимающая и надевающая свои черные очки, она отличалась резкими и одновременно обольстительными манерами, которые порядком смутили молодую пару.

При рукопожатии казалось, что Анна приглашает вас померяться силой, а самая безобидная фраза производила впечатление таившей в себе сексуальный намек. Хотя новая соседка была ненамного старше их, Фил и Клео казались себе нескладными подростками в присутствии этой женщины, которая в тридцать один год уже похоронила мужа и одна воспитывала трех дочерей.

Соседка скорее затащила силой, нежели пригласила их выпить по стаканчику.

Пока хозяйка ходила по комнате, одетая в блузку и шелковые шорты, Филип не отрывал от нее глаз, очарованный гибкостью и грациозностью этой женщины, ее мускулистыми загорелыми ногами, энергией, которая исходила из нее.

Анна обладала изяществом танцовщицы без какой-либо претенциозности; она ругалась и произносила грубые слова, смотрела на него в упор своими зелеными глазами так, как будто хотела бросить вызов; затем, внезапно ослабив натиск, она удалялась, саркастически шлепая пляжными тапками.

На следующий день Фил отправился навестить Анну один, тайком от Клео.

Они начали проводить вместе дни напролет. Анна смягчалась, Филип смелел. Еще не став любовниками, они беседовали уже так доверительно и непринужденно, как будто ими были, изумляясь тому, что одна и та же мысль

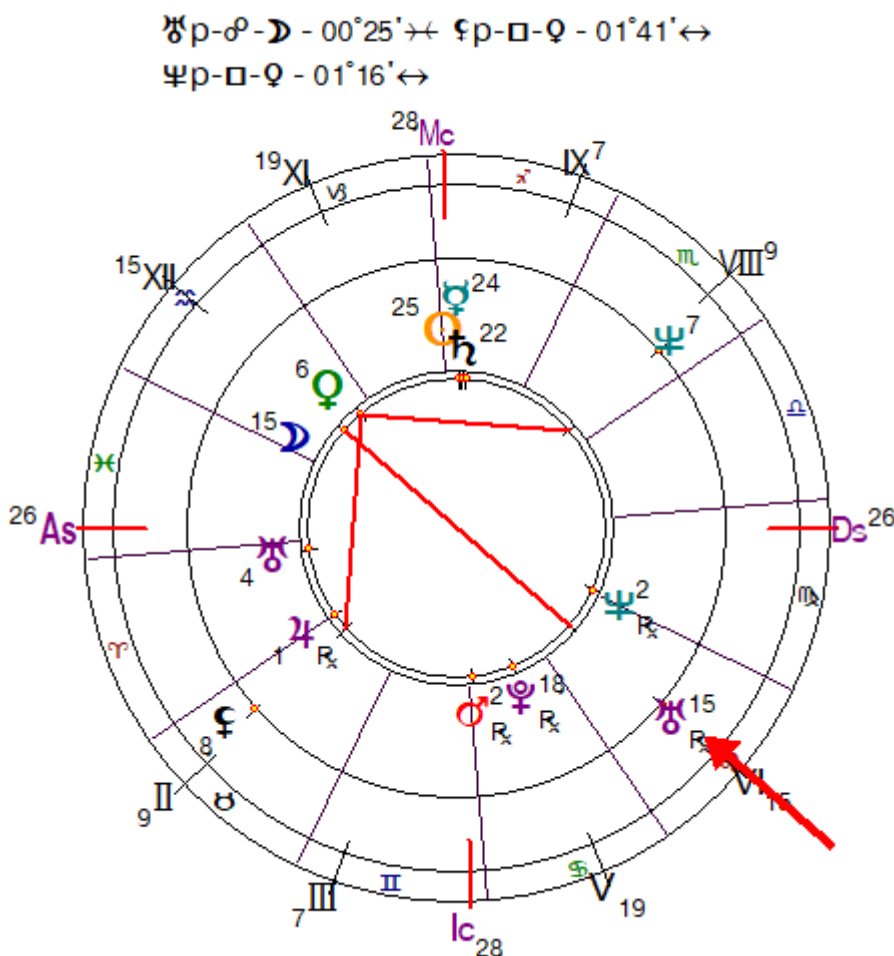
приходит к ним обоим одновременно. Через две недели они надумали поцеловаться.

Когда оба оказались на кровати, их тела, казалось, продолжали на языке жестов их разговор, своенравный и естественный, непредвиденный и неизбежный. Каждый признавался, что думал только об этом с момента знакомства. Поэтому оба с большим удовольствием возвращались к этим двум неделям, проживая их снова шаг за шагом, рассказывая, как тогдашние события воспринимались ими в тот момент.

— Ты казался мне таким агрессивным...

— Это потому что я очень хотел тебя...

Ни одной минуты они не думали о том, чтобы хранить свою связь в тайне, что, впрочем, было бы сложно осуществить в таком местечке, как Пойнт Рэйс. Речь шла о любви с первого взгляда, которая требовала отказаться от обычной жизни и делала все прежние обязательства недействительными.

Анна открылась своему психоаналитику, затем дочерям, Фил во всем признался жене. Клео огорчилась, но восприняла это известие спокойно и достойно. Она удалилась и безучастно дала согласие на развод, что Фил, полностью погруженный в свои любовные переживания, посчитал естественным.

Итак, мы видим, что сильную страсть обеспечили Дикун Нептун с Лилит, а развод с женой – оппозиция Урана с Луной.

Клео оставила мужу дом, поскольку он собирался жить в Пойнт Рэйс, взяла машину, так как она уезжала, и не потребовала алиментов, ибо они оба зарабатывали одинаково мало.

Обняв Филя на прощание, она вернулась в Беркли, по дороге насвистывая, чтобы подбодрить себя, марш Интернациональных бригад.

БЕЗУМИЕ НА ДВОИХ

СОБЫТИЕ 2 – СЕНТЯБРЬ 1963 ГОДА

Литературный прорыв, свершившийся благодаря «Человеку в высоком замке», несмотря на премию «Хьюго», абсолютно не изменил социальное и материальное положение Филипа Дика.

«Сдвиг времени по-марсиански», от которого он много ждал, прошел незамеченным. И, хотя богатые родственники покойного мужа Анны, выплачивали ей неплохое содержание, а сама она начала торговлю украшениями, Дику по-прежнему нужны были деньги, много денег, согласно критериям Беркли, чтобы содержать четырех женщин, пять вместе с младенцем, привыкших вести буржуазный образ жизни.

И, чтобы заработать сумму, которую Анна все равно считала недостаточной, ему приходилось чрезвычайно много работать.

Благодаря амфетаминам Дик мог писать в таком темпе, что сочинял один роман за несколько недель, и таким образом за два года он опубликовал дюжину, но такая напряженная работа приводила к ужасным депрессиям.

Он чувствовал себя недостойным своей задачи, неспособным взять на себя ответственность. Он подурнел. Его бородатое лицо стало бледным и отекившим.

В поле его бокового зрения гудели большие черные насекомые. Анна казалась ему теперь врагом. Она наслаждается, думал Дик, доказывая ему, что он — неудачник, закабалив его этим двойным парализующим принуждением: ты

должен работать меньше, а зарабатывать больше, именно это и делают другие мужчины.

Жена презирала его за то, что он был жалок, но ей был нужен жалкий тип, которого можно презирать, и Фил находил некое пагубное наслаждение в том, чтобы исполнять это ее желание, поступая как жалкий тип.

Он, как и обещал, посвятил супруге роман «Человек в высоком замке», но она побледнела от ужаса, увидев, в какой форме он это сделал:

«Анне, моей жене, без молчания которой я бы никогда не написал эту книгу». Маленькая идеальная гадость, низкая месть «недочеловека», но она сама напросилась.

За ее повадками образцовой американской супруги скрывался настоящий нацист. Жестокость, основанная на абсолютной уверенности, что она всегда права, что на ее стороне закон, обычай, порядок вещей.

Филип от души развлекался, если здесь уместно говорить о развлечении, превращая свой новый роман в психодраму, описывающую его собственные взаимоотношения с супругой.

Дик уже частенько помышлял о бегстве.

Но как же падчерицы и его дочь? А потом еще этот паралич воли, эта вечная дрожь, когда он выходил из дома. Куда идти? Всякий раз, когда он отправлялся в путь куда глаза глядят, кинув в багажник собранный в спешке чемодан, его вылазка неминуемо заканчивалась возле дома его матери, куда Анна приезжала за мужем несколько часов спустя.

Филип ждал ее, стоя перед дверью, как преступник ждет полицию, точно зная, что его арестуют. Он не сомневался, что жена отыскала бы его, даже если бы он спрятался получше.

Он испытывал страшную потребность в симпатии и сострадании, но не знал никого, кто мог бы ему это дать. Как он был одинок! Заманив его под свою крышу, Анна образовала вокруг него пустоту.

Все их друзья были ее друзьями. Все их животные были ее животными. Даже их психиатр был ее психиатром. Если бы Филип мог завести любовницу...

Он хотел позвонить Клео, услышать ее голос, ее звонкий искренний смех, который к концу их семейной жизни начал его раздражать, но по которому он теперь тосковал, поговорить с ней. Просто сказать, в какой ад он попал с тех пор, как они расстались. Но Фил не осмеливался.

В течение двух лет Фил и Анна по очереди ездили в Сан-Рафаэль, северное предместье Сан-Франциско, на консультацию к некоему доктору Флайбу, который играл в их спорах роль третейского судьи.

Супруги стремились не столько понять друг друга, сколько убедить его каждый в своей правоте. Анна, более давняя пациентка доктора Флайба, рассчитывала как на преимущество старинного знакомства, так и на очевидную, как ей казалось, обоснованность своих жалоб.

Ее муж отказывался брать на себя ответственность, вел себя по-мальчишески упрямо, не имел никакого чувства реальности. У Дика было множество комплексов: эдипов («Доктор, вы бы видели его мать!»), неполноценности, вины, и комплексы эти делали жизнь с ним просто невыносимой, а возможно, даже опасной.

Со своей стороны Фил также не скупился. Он обвинял Анну не только в том, что в глубине души она скрывала за милой и добропорядочной внешностью агрессивную натуру, но и в том, что она была способна перейти к действиям и даже уже перешла.

Дик был убежден, что она, бог знает как, убила своего первого мужа и что теперь приближается и его черед. Она упрямо в больницу беднягу Рубенштейна и то же самое сделает и с ним. И это еще в лучшем случае.

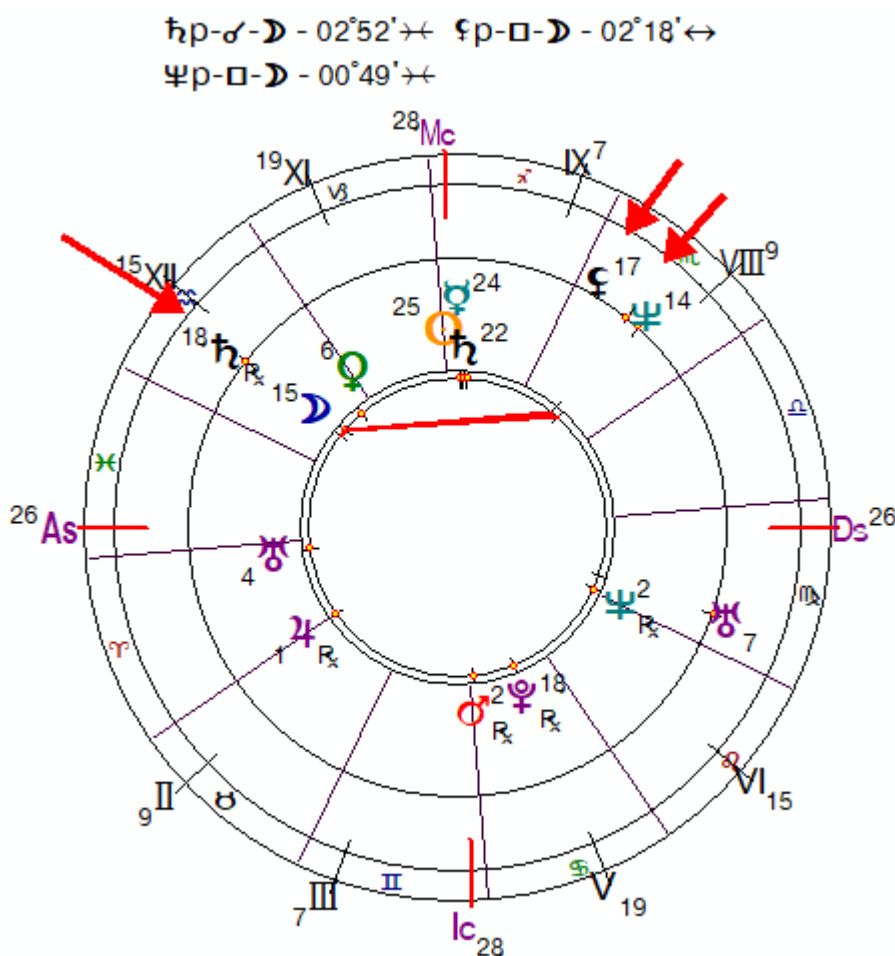
Скорее всего, Анна не будет обременять себя такими сложностями и убьет мужа своими руками. Однажды, пятясь назад на машине по аллее, она пыталась его задавить. Другой раз она угрожала ему ножом.

Когда врач говорил Филипу, что он отличается повышенной нервозностью и подозрительностью, пациент печально смеялся. Конечно, появятся тут нервозность и подозрительность, если твоя жизнь в опасности!

Возможно, он действительно параноик, но ведь и параноиков тоже, случается, убивают. В один далеко не прекрасный день его найдут мертвым, погибшим в результате утечки газа или утонувшим в ванной; следствие придет к выводу, что это был несчастный случай; но доктор Флайб тогда припомнит эти его слова, пожалеет, что ничего не предпринял в свое время.

— Не слушайте его! — кричала Анна, когда взволнованный доктор Флайб пересказал ей то, что осторожно назвал «намекками». — Этот человек — демон! Он способен заставить любого поверить невесть во что!

У нее появилась возможность убедиться в справедливости своих слов, когда однажды осенним сентябрьским вечером **1963** года к ним домой, в самом разгаре семейного ужина, появился шериф, тот самый, у которого они снимали домик.

В руках он держал предписание о помещении миссис Дик на три дня в психиатрическую лечебницу для обследования.

Приступ истерики, охвативший Анну в тот момент, когда она увидела в самом низу официального документа подпись своего психиатра, окончательно убедил шерифа в том, что его несчастный квартирант и правда, как он постоянно жаловался, женился на буйной сумасшедшей.

Филип Дик нашел «гениальный» способ освободиться от гнетущего влияния жены – он попросту упрятал ее в психушку. Обратите внимание, как негативно аспектирована его натальная Луна.

Последовала весьма тяжелая сцена. Анну пришлось уводить силой. Девочки плакали. Фил заботился о них с печальной серьезностью ответственного родителя, который продолжает готовить обед, несмотря на то что небо только что обрушилось ему на голову.

Три дня обследований вылились в две недели. Фил с девочками каждое утро к открытию отправлялись в больницу. Шок от принудительной госпитализации был ослаблен большими дозами транквилизаторов, так что Анна принимала посетителей спокойно, как если бы они навещали ее после операции по удалению аппендикса.

На ней был розовый халат, пуговицы которого она тупо и непрерывно теребила. Ее движения были замедленными, а взгляд — пустым.

Дик, однако, угрызений совести не испытывал, поскольку искренне верил, что его жизнь подвергалась опасности, но ему было не по себе, казалось, будто мир перевернулся.

И, хотя он считал себя правым, ему казалось, что он воплотил в жизнь одну из тех кошмарных историй, когда безумные получают власть и надевают смирительные рубашки на персонал клиники.

Теперь, когда Анна, отупевшая от лекарств, не могла больше навредить ему, Филип уже не был так уверен в своей правоте. В отсутствие врага, против которого они бы могли быть направлены, его доводы теряли свою остроту.

По прошествии нескольких дней Дик надумал все-таки пойти к психиатрам и объяснить им, что все это ужасное недоразумение, что на самом деле это его нужно было запереть в сумасшедшем доме.

Он страдал от шизоидальных наклонностей, его мать уморила его сестру голодом, когда им было шесть недель от роду; кроме того, он проходил тестирования, согласно которым у него обнаружили то-то и то-то...

Психиатры, напуганные этим ходячим трактатом по патологии, довольно бесцеремонно отправили Дика к его лечащему врачу.

Однако доктор Флайб однажды имевший слабость поверить Филу и встать на его сторону, теперь уже не так ему доверял. Психиатр, со своей стороны, начал опасаться, уж не совершил ли он ошибку, и приход Дика с его беспокойными заявлениями и недоверчивым видом только усилил опасения врача.

Но он не осмелился отступить и, за неимением другого выбора, предпочел ободрить своего колеблющегося пациента.

В том, что Филип винит себя, нет ничего ненормального; напротив, зная его, доктор бы удивился обратному. Однако следует посмотреть в лицо печальной реальности, вместо того чтобы избегать ее и подменять вымыслами.

От доктора Флайба Дик вышел практически убежденным. Не особо в это веря, он все-таки надеялся, что однажды Анна также признает правоту этих слов.

АННА ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ, ПРЕВРАЩЕННАЯ В ЗОМБИ НЕКИМ МОЩНЫМ ПСИОЛЕПТИКОМ,

который, как сказал доктор Флайб, она теперь будет принимать до конца жизни.

Фил должен был следить за тем, чтобы жена глотала таблетки. Поскольку лекарства еще не лишили ее окончательно ясности ума и она не перестала желать восстановить ее в полной мере, Анна пыталась хитрить, выплевывать таблетки.

Подозревая это, Фил ходил вокруг нее, ждал, пока она проглотит лекарство, обыскивал цветочные горшки. Он очень жалел себя: какое несчастье быть связанным с настолько тяжело больной женщиной.

Однажды Анна услышала, как он, разговаривая с матерью по телефону и непрерывно жалуясь, признал, что, «вероятно, Анне тоже тяжело».

Несмотря на свою заторможенность, она едва не задохнулась от ярости.

Филип спрашивал себя, что он будет делать, если состояние Анны не улучшится. Разведется и будет искать другую жену? Или всю свою жизнь он будет тащить эту ношу? — христианин сказал бы, нести этот крест.

МЫ РАССМОТРИМ ЕЩЕ ОДНО ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ, КОТОРОЕ ПРОИЗОШЛО МЕСЯЦЕМ ПОЗЖЕ, В НОЯБРЕ 1963 ГОДА, НА ЭТИХ ЖЕ АСПЕКТАХ НЕПТУНА И САТУРНА:

Как-то в один из ноябрьских дней **1963** года ближе к вечеру Дик брел по пастбищам, из-за бесконечных дождей превратившимся в трясину.

С тех пор как Анна прекратила принимать лекарства, прописанные доктором Флайбом, она стала как прежде и даже хуже, чем раньше, потому что она смертельно ненавидела мужа, так что Филу приходилось по новой терпеть злобную жену.

И тут над ним прокричала какая-то птица. Филип поднял голову.

**ВМЕСТО НЕБА НАД НИМ БЫЛО ЛИЦО:
ОГРОМНОЕ, МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ, СТРАШНОЕ;
СКЛОНИВШИСЬ, ОНО РАЗГЛЯДЫВАЛО ЕГО**

Испугавшись, Дик закрыл глаза

(прим: галлюцинации – результат действия амфетаминов, вкупе с квадратом транзитного Нептуна к натальной Луне).

Перед его мысленным взором все еще стояло видение, но не само лицо, а его выражение, невероятно безобразное, как если бы в нем сосредоточилось все мировое зло, в этом взгляде, который сочился из щелей, расположенных рядом с носом, или тем, что должно было быть носом. Филип понял, что всю жизнь боялся увидеть именно это.

И вот теперь он увидел. Теперь он никогда этого не забудет. И никогда больше не сможет уже спать спокойно.

Филип медленно открыл глаза. Поскольку он стоял, опустив голову вниз, то первое, что увидел, были его ботинки, его большие армейские ботинки, сильно испачканные размокшей землей. Филип с облегчением смотрел на них: ботинки были тяжелые и вполне реальные. Он поднял глаза.

Лицо все еще было там, поджидая его.

На этот раз он не зажмурился в испуге, а открыл рот и попытался что-нибудь сказать.

— Я тебя не боюсь. Ты не существуешь. — Голос его дрожал. Филип и сам не узнал его, но поскольку он хотел договорить, то он заставил себя продолжить: — Ты не существуешь. Ты — галлюцинация, порожденная моим мозгом.

Я был слишком несчастен в последнее время. Слишком одинок, слишком удручен, в этом вся причина. Но ты не существуешь.

Лицо, казалось, ухмылялось. Не было ничего, кроме ухмылки, смерти и ухмылки. Дик бросился бежать. Он бежал до дома не останавливаясь, никого не встретив, не пытаясь обогнуть лужи, грязь из которых летела ему на одежду, не глядя на небо над головой, поскольку он даже не надеялся, что лица там больше нет.

Несколько дней подряд страшное лицо на небе играло с ним в прятки, исчезая, когда Фил набирался смелости поднять глаза, чтобы посмотреть, там ли оно, и проникая в поле его зрения в тот момент, когда он этого меньше всего ждал.

Все, что можно увидеть глазом, включая фосфен, несло его в себе или предвещало его.

Будучи на грани нервного срыва, Дик отправился в Сан-Рафаэль к доктору Флайбу.

— Спокойно, спокойно, — сказал доктор Флайб, которого его пациент заставлял нервничать все больше и больше.

Доктор объяснил галлюцинацию усталостью, беспокойством, помещением Анны в больницу, но Дик этим не удовлетворился.

Во-первых, его мало радовало то обстоятельство, что этот кошмар существовал скорее в его мозгу, чем в реальности, — хорошенькое утешение.

Во-вторых, он очень хорошо знал, что с ним происходит: и это не называется галлюцинацией, это нечто прямо противоположное. По различным причинам, из-за усталости, приема амфетаминов, семейной трагедии и, возможно, определенной внутренней предрасположенности, его физический механизм, который должен фильтровать реальность, заедает.

Экран, который закрывает ее и позволяет ее выдерживать, разорвался.

Он видел реальность, и теперь его проблема заключалась в том, чтобы выжить с этим видением.

От доктора Дик отправился в католическую церковь.

Священник показался ему разумнее психиатра, по крайней мере, он слушал то, что ему говорили. Несколько раз священник печально поморщился, как если бы прекрасно понимал его.

Он был похож на старого охотника, который некогда сталкивался с чудовищным волком и полагал, что избавил мир от него, вплоть до того дня, когда один напуганный юнец не рассказал, что его противник, оказывается, вернулся и что ему снова придется дать бой. В конце исповеди священник просто сказал:

— Вы повстречали Сатану.

Этот диагноз ободрил Дика. Церковь восприняла его всерьез, она знала о его проблеме.

Теперь Филип был уже не один перед этим металлическим лицом, заполнявшим небо. Другие, даже не видя его, знали, что оно существует, и молились вместе с ним, молились за него.

Реакция Анны, когда Филип объявил жене о своем желании войти в лоно католической церкви, удивила его. Клео наверняка рассмеялась бы, да и весь Беркли вместе с нею; несколько месяцев назад он и сам бы рассмеялся.

Но Анна была взволнована. Она крепко обняла супруга. И прошептала, что окрестится вместе с ним, и девочки тоже. Несчастье ослабило чувство нелепого, оно обратило Филипа к Богу, для этого, согласно христианам, оно и существует.

Дик понял, что в глазах Анны это обращение было последней попыткой спасти их брак или перенести их разрыв. Он пообещал себе не разочаровывать ее.

P.S.

Весной следующего года Дик все же сбежал от жены. Он поселился в небольшом сообществе авторов научной фантастики.

Для окружающих он был наркоманом, параноиком и гением. Он без труда сочетал в себе все это.

**УЗНАТЬ ИСЧЕРПЫВАЮЩУЮ ИНФОРМАЦИЮ О СИТУАЦИЯХ,
КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ ПРИ АСПЕКТИРОВАНИИ
МЕДЛЕННЫМИ ПЛАНЕТАМИ НАТАЛЬНОЙ ЛУНЫ МОЖНО
ИЗ ВТОРОГО МОДУЛЯ 22-ГО МАСТЕР-КЛАССА**

<http://www.astrologysolaris.com/mk22.html>

ТРАНЗИТЫ ПЛАНЕТ

К НАТАЛЬНОЙ ЛУНЕ